

СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕПОСТИ ЦАРЕВ-АЛЕКСЕЕВ (СЕРЕДИНА XVII ВЕКА)

А.И. Папков,

кандидат исторических наук, доцент,
г. Белгород

Статья посвящена строительству одной из крепостей Белгородской черты – Царева-Алексеева (Нового Оскола). Автор подробно рассматривает проведение подготовительных мероприятий, процесс планирования и выполнения строительных работ, а также действия по формированию гарнизона и обеспечению боеспособности крепости.

Ключевые слова и фразы: Белгородская черта; Российское царство; юг России; Днепр-Донская лесостепь.

Важное место в истории России занимает оборонительное зодчество. Без описания крепостных сооружений нельзя достаточно полно охарактеризовать пограничные регионы, вся история которых связана с войнами и обороной государственной территории от притязаний соседей. В отечественной науке имеется немало работ, посвященных истории каменного градостроительства, а вот вопросы, связанные с созданием оборонительных сооружений из дерева и земли, исследованы слабее¹. Объясняется это в первую очередь особенностями самого материала, использовавшегося при строительстве. Древесные конструкции достаточно быстро разрушаются и до наших дней практически не дошли, за исключением ряда памятников в Сибири и Поморье, земляные валы и рвы без постоянного ремонта быстро оплывают, а после потери их оборонительного значения – распадаются и разрушаются. Между тем, в XVII в. в России было построено много укреплений из дерева и земли, например Белгородская, Изюмская и Симбирская черты. Колоссальность этих оборонительных линий, а также роль, которую они сыграли в истории страны и тех регионов, в которых они располагались, делает актуальной задачу изучения их истории.

¹ См. например: Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; Каримов Г.А. Архитектура крепостей Белгородской черты. Дисс... канд. архитектуры. М., 1977.

При этом следует учесть, что практически полностью отсутствуют подлинные карты и схемы XVII в., отображающие указанные укрепления (в настоящее время выявлен всего один план участка (Новооскольского) Белгородской черты середины XVII в.). Письменные источники, содержащие информацию, характеризующую указанные укрепления, можно подразделить следующим образом: 1) «строельные книги», писавшиеся сразу после постройки городов и содержащие детальное описание городов-крепостей с указанием основных размеров, количества израсходованного строительного материала; 2) различные «рописи» – описания построенных укреплений, которые составлялись до или после проведения ремонтных работ, перестроек, во время приема города новым воеводой. В сравнении со строельными книгами они менее подробны, но порой содержат немало информации, характеризующей укрепления, и позволяют проследить динамику в оборонительном зодчестве, процесс реконструкции и совершенствования построек; 3) отписки воевод, содержащие информацию о ходе строительства, ремонта, перестройки, а также о степени разрушения упомянутых сооружений в ходе военных действий и в результате воздействия природной среды; 4) чертежи и планы городов и оборонительных линий. Выше уже указывалось на отсутствие данных материалов XVII в., но имеется ряд планов начала XVIII в., кото-

рые могут быть использованы в том случае, если изучаемое сооружение не подвергалось серьезной перестройке². Сравнение данных, содержащихся в источниках, позволяет предположить, что В.П. Львов в 1647 г. производил замеры «городовой саженью», длина которой в данном случае составляла 192 см.

Татарские вторжения 1643–1645 гг. заставили российское правительство активизировать политику на юге. Одним из проявлений этой активизации стало ускорение строительства Белгородской черты, что послужило основанием для выделения В.П. Загоровским периода 1646–1653 гг. во второй этап строительства указанной оборонительной линии. Ход строительства Царева-Алексеева кратко описан В.П. Загоровским, который не ставил цели подробно изучать ход сооружения каждого отдельного укрепленного пункта и участка Черты. Между тем, материалы Разрядного приказа позволяют достаточно детально проследить процесс сооружения упомянутой крепости, являвшейся самой крупной из 10 построенных в этот период, что позволяет уточнить представления о технологии постройки крепостей на юге России.

Следует оговорить употребление термина «город» по отношению к Цареву-Алексееву и другим крепостям Белгородской черты, построенным в 1635–1656 гг. В отечественной историографии утвердилось мнение, согласно которому главным критерием причисления населенного пункта XIV–XVIII вв. к числу городов (в научном понимании этого термина) является наличие посада с посадской общиной³. В источниках XVII в. по отношению к деревянным крепостям Белгородской черты употребляются термины «город» и «острог». Применительно к рассматриваемому времени исследователи выделяют четыре типа укрепленных населенных пунктов: 1) город, забранный в острог и не имеющий кремля; 2) город с острогом и включенным в его стены небольшим кремлем; 3) город без острога,

только с небольшим кремлем и 4) город-острог с расположенным в его центре кремлем (под городом понимается укрепленное поселение. – А. П.)⁴. В приказной документации конца XVI – первой половины XVII в. понятия «город» и «острог» четко дифференцировались. Постепенное слияние этих терминов началось во второй половине XVII столетия⁵. В отличие от «острожной» стены, выполненной в виде частокола или забора, «городовая» – состояла из срубных конструкций – «тарас» или «городен». При этом «городом» часто именовалась сама крепостная стена, а при наличии нескольких рядов укреплений также огороженная каждой из стен часть поселения. Это хорошо известно не только на примере Москвы, где за пределами Кремля последовательно располагались: Китай-город, Белый город, Земляной город. Можно найти аналогии и в конструкции других российских крепостей этого времени⁶. Подобным образом были выстроены укрепления Переяславля Рязанского в XVI–XVII вв.⁷ Чердынь, являвшаяся своеобразным плацдармом для освоения уральских и сибирских земель, имела деревянный кремль на Троицком холме (начало строительства – 1535 г.) и располагавшийся к западу от него посад, окруженный стоячим острогом⁸. Укрепления Самары, построенные в 1586 г., представляли собой четырехугольный рубленый «город» с шестью башнями, обнесенный второй тыновой острожной стеной⁹. Таким образом, понятие «город» в документах XVII в. связано с инженерной характеристикой укреплений и является более широким, чем «острог». В этом смысле оно использовано в дальнейшем.

⁴ Кириллов В.В. К проблеме изучения древнерусского города XVI–XVII вв. // Русский город. М., 1984. Вып. 7. С. 4–40.

⁵ Резун Д.Я. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 172–176.

⁶ Кирпичников А.Н. Кремли России // Кремли России. М., 1999. С. 8–9.

⁷ Кусова И.Г. Кремль Переяславля Рязанского в XVI–XVII веках: социально-функциональная топография // Кремли России. М., 1999. С. 68–70.

⁸ Чагин Г.Н. Чердыньский кремль Перми Великой и его место в топографии города // Кремли России. М., 1999. С. 71–73.

⁹ Скоробогатова Е.А. Самарский кремль и его роль в формировании панорамы города // Кремли России. М., 1999. С. 73–74.

² См.: РГВИА. Ф. 349.

³ См.: Водарский Я.Е. Проблемы сущности, времени и места основания городов и возникновения города Липецка // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. С. 80–131.

Решение о постройке Царева-Алексеева было принято Боярской думой 3 февраля 1647 г. Сохранился черновой отпущенный грамоты, разосланной по городам (в делопроизводстве XVII в. понятие «город» применялось и для обозначения района), выставлявшим даточных людей на строительство¹⁰. Число последних было определено в 1000 чел., из расчета 1 чел. от 100 дворов. Повинность была разверстана на патриаршие, церковные и монастырские владения, на земли бояр, окольных, думных дворян, дьяков и приказных людей, а также на дворцовые волости и городские посады. Соответствующие грамоты были разосланы практически по всей территории Российского государства. Повинность охватывала все Поморье: Старую Руссу, Двину, Вятку, Пермь Великую, Устюг Великий, Соль Вычегодскую, Тотму, Чаронду, другие города и территории этого края. Практически все «замосковные» города должны были выставить даточных людей, в том числе: Владимир, Суздаль, Муром, Нижний Новгород, Арзамас, Ростов, Ярославль, Кострома, Галич, Вологда, Тверь, Можайск. Обязаны были участвовать в постройке Царева-Алексеева города «от Немецкой украины» (области Великого Новгорода и Пскова с их пригородами), города «от Литовской украины» (Смоленск, Вязьма, Великие Луки, Торопец и др.), «заозские города» (Калуга, Перемышль, Серпейск, Мосальск, Козельск, Ворытск и др.), города «украинные» (Алексин, Белев, Болхов, Карачев, Кромы, Новосиль, Чернь, Мценск, Одоев, Тула, Серпухов, Кашира и др.) и рязанские (Переяславль-Рязанский, Зарайск, Михайлов, Пронск и др.). Кроме перечисленных, выделять людей должны были «северские» города (Брянск, Севск, Рыльск, Путивль и др.) и практически все «польские» города, существовавшие на южной, «польской» окраине России к этому времени (Ливны, Воронеж, Курск, Белгород, Оскол, Валуйка, Усерд, Яблонов, Короча, Хотмыжск, Вольный и др.). Повин-

ность охватывала «понизовые города»: Астрахань, Царицын, Саратов, Самару, Уфу, Казань и др. Всего в документе перечислено 173 населенных пункта. Кроме них указано еще 15 дворцовых стародубских села. Судя по наказным памятям, посланным в Посольский приказ, было велено взять даточных людей с поместий и вотчин касимовского царевича и с посадов Касимова и Романова. Таким образом, строительство Царева-Алексеева и вала в этом районе задумывалось как общероссийская операция.

Даточные люди должны были собраться в Москве на Благовещение, 25 марта, а спустя месяц, 23 апреля, прибыть на Оскол. Помимо них принять участие в строительстве крепости и вала должны были московские стрельцы.

По-видимому, ранней весной 1647 г. воеводе Усерда Ивану Чемоданову было предписано осмотреть территорию для уточнения места постройки города. Отписка И. Чемоданова была получена в Разряде ранее 3 апреля 1647 г. Он предлагал строить жилой город в устье р. Белого Колодезя, возле Посольской дороги, там, где проходила Кальмиусская сакма. В результате было решено построить здесь крепость в виде стоячего острога¹¹.

Однако по неясной причине было принято решение провести еще одну разведку местности¹². Для этого из Оскола 9 апреля 1647 г. выехали воевода Иван Михайлович Волконский и подьячий Давид Мордасов. Они осмотрели местность в районе впадения в Оскол Белого Колодезя. Результатом экспедиции стал чертеж и роспись к нему. Подлинники указанных документов не сохранились, но имеется современная разрядная копия росписи. И.М. Волконский и Д. Мордасов предлагали ставить город при впадении р. Белого Колодезя в Оскол. С «валуйской» стороны, справа от Посольской дороги, находилась поляна, удобная, по их мнению, для данной цели. Предполагалось построить крепость четырехугольную

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 237. Л. 2 – 10.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 237. Л. 105 – 106.

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 237. Л. 237 – 247.

в плане, с периметром стен 256 саженей. Две стены должны прикрываться реками Оскол и Белый Колодезь. Длина стены, идущей вдоль р. Оскола – 66 саженей, от воды – 10 саженей. Длина стены, проходящей вдоль р. Белого Колодезя – 78 саженей, от воды – 15 саженей. С напольной, самой опасной, стороны, перпендикулярно к течению р. Оскола, планировалось выстроить сорокасаженную стену. Длина последней, параллельной р. Осколу, стены должна была составить 72 сажени. Эта стена должна была проходить вдоль большого оврага. Предлагалось пристроить к городу острог, с напольной стеной в 200 саженей и боковыми по 150.

Поскольку с трех сторон крепость прикрывалась естественными препятствиями, ров копать планировали только с южной стороны. Лес для строительства можно было брать на другом берегу р. Оскола. По словам осколян, знавших эти места, ширина леса, тянувшегося вдоль р. Оскола, составляла от 5 до 7 верст. Измерить этот лес оскольский воевода и подьячий не смогли из-за его непроходимости. Кроме того, лес, пригодный для строительства, занимавший пространство примерно 2 на 1 версту, находился на левом берегу р. Оскола, в 2 верстах ниже впадения в нее Белого Колодезя. Чуть дальше, в 6 верстах от устья Белого Колодезя, находились Жестовые горы. Во время осмотра последних было обнаружено городище, располагавшееся рядом с небольшим озером. Судя по описанию, городище в плане имело четырехугольную форму, вытянутую вдоль р. Оскола. Обсыпавшиеся валы и рвы были замерены. Остатки укреплений с напольной стороны равнялись 92 сажням, с московской – 70, а протянувшиеся вдоль р. Оскола – 152 сажням и находившиеся напротив имели длину 117 саженей. Место посчитали достаточно удобным. При необходимости можно было пристроить острог с «валуйской» стороны размером 110 на 45 и на 63 сажени. К достоинствам местности И. Волконский и Д. Мордасов отнесли наличие здесь глубоких оврагов. Таким образом, было предложено не одно место для сооруже-

ния крепости, а два. Причем в Разрядном приказе было принято решение в пользу второго предложения.

Князь Василий Петрович Львов, назначенный руководителем строительства, прибыл к устью р. Белого Колодезя 12 мая¹³. В тот же день он получил из Разряда чертеж И. Волконского и Д. Мордасова с распоряжением снять с него для себя копию и построить жилой город на Жестовых горах. Воевода вместе с головами московских стрельцов и другими служилыми людьми осмотрел местность и пришел к выводу о неудобстве этого места для строительства, поскольку поблизости отсутствовала питьевая вода и до р. Оскола было далеко. Кроме того, окружающие городище «бояраки» заросли лесом, затруднявшим обзор местности. В «Росписи городovým местам...», составленной В.П. Львовым, указано, что озера, фигурирующего в «Росписи...» И. Волконского и Д. Мордасова, возле старого городища нет, имеется только болото с лужами, глубина воды в которых не превышает двух пядей. Осколяне, хорошо знающие эти места, показали, что это болото заполняется талой водой, высыхающей летом. Видимо, это болото, еще заполненное водой, и принял оскольский воевода, осматривавший местность в начале апреля, за озеро, а к середине мая вешняя вода уже ушла. Справедливость этого предположения подтверждает довольно точное совпадение расстояний. По замеру И. Волконского от городища до озера – 70 саженей, а по «Росписи...» В. Львова от городища до «воденых луж» – 74,5 сажени. Разница может быть объяснена сокращением площади водоема, вызванным отступлением высыхающей воды. Склон, находившийся между городищем и болотом, по мнению В.П. Львова, был слишком крутым для устройства тайника. До р. Оскола от городища было 2205 саженей, берег в этом месте был крутой, воду возить неудобно. Ближе р. Оскола другой воды не было, что не позволяло построить вокруг

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп.12. Д. 237. Л. 305 – 311.

города жилые слободы. Отдельного внимания заслуживает утверждение стрелецкого десятника Артема Парфеньева, родом из Валуйки, о том, что на Жестовых горах жилого города в старину не было, а сидели в этом месте казаки, отбивавшиеся от татар. История Валуйки к этому времени насчитывала около полувека, поэтому А. Парфеньев не мог сообщить достоверной информации о городище. А вот упоминание об обороне казаков от татар в данном месте указывает на выгодное в военном отношении расположение городища.

Всех перечисленных недостатков, по мнению кн. Львова, было лишено место при впадении р. Белый Колодезь в Оскол. С двух сторон его прикрывали реки, было много воды и всяких угодий, леса, сенных покосов, и земля на полях была «добрая».

Наказа В.П. Львову не сохранилось, но из его отписок ясно, что на Жестовых горах предписывалось построить земляной город. Об этом же свидетельствует дьячья выпись о направлении к В.П. Львову «горододельца немчина», датированная 15 мая 1647 г. В ней не упоминаются Жестовые горы, но указывается, что земляной вал необходимо строить по городской осыпи, т.е. речь идет о городище, которого не было при слиянии Белого Колодезя и Оскола. И хотя от идеи постройки земляного города отказались, ибо на новом месте такие укрепления окажутся непрочными (видимо, из-за особенностей грунта), к кн. Львову для руководства земляными работами был направлен французский инженер Давид Николь. 13 мая В.П. Львов вместе со служилыми людьми вернулся к Белому Колодезю и направил в столицу отписку со своими соображениями, прося разрешения ставить деревянный острог в устье Белого Колодезя по чертежу и росписи И. Чемоданова. До получения соответствующего указа кн. Львов велел служилым людям готовить лес на городское строенье.

Мнение В.П. Львова было учтено, город было указано ставить на Белом Колодезе и насыпать земляной вал от р. Оскола до Верхососенского леса длиной в 12 верст.

Ход строительства существенно тормозила нехватка людей. Судя по отпискам, в мае вместе с В.П. Львовым на Белый Колодезь прибыли только служилые люди, о даточных он не упоминал. В своей отписке, полученной в Разрядном приказе 25 июня 1647 г.¹⁴, В.П. Львов жаловался на недостаток рабочей силы. По его словам, если не прибудет дополнительных людей, то вал в текущем году не будет завершен. К отписке приложена роспись служилых и даточных людей, находившихся в 1647 г. в Цареве-Алексееве. Из городов было прислано: из Черни – 50 детей боярских и 30 казаков; из Новосилия – 47 детей боярских и 30 казаков; из Ливен – 98 детей боярских, 46 полковых и 15 беломестных казаков; из Ельца – 10 детей боярских и 60 казаков; из Тарлицкого – детей боярских – 10, казаков – 20; из Чернавска – 20 казаков и 10 стрельцов. Кроме того, строили вал четыре «приказа» московских стрельцов, всего 2288 чел., и тульские драгуны под командованием майора Саввы Долматова. Драгун в наличии было 515 чел., но на 19 командиров норма «валового дела» не разверстывалась, т.к. по заявлению С. Долматова «где де они на государевых службах ни бывали, городского и валового дела они, начальные люди, николь не дельвали». Даточных же людей в наличии было всего 341 чел. Кроме них 20 оскольских станичников находились в постоянных разъездах для обнаружения неприятеля и, следовательно, они не строили вал. От строительства были освобождены и 163 донских и яицких казака на том основании, что они в 1646 г. строили вал между Белгородом и Карповом. Таким образом, даточных людей на строительстве оказалось более чем в два раза меньше планировавшегося количества. Указанное обстоятельство позволяет предположить, что не удалось организовать работы в масштабе общегосударственной акции, как планировалось, а это снизило скорость сооружения укреплений в рассматриваемом районе.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп.12. Д. 237 л. 451 – 455.

Таким образом, летом 1647 г. город и вал строили 3660 чел. (по подсчету документа – 3744). Датой завершения строительства Царева-Алексеева можно считать 26 июня 1647 г., когда в Москву, вместе с соответствующей отпиской, были отправлены чертеж и макет города. Был поставлен дубовый острог с обламами, имевший 13 шестистенных башен. Внутри крепости было устроено два колодца. Один из них имел в глубину три сажени и уровень воды в полтора аршина с вершком. Нет нужды подробно останавливаться на описании городских стен и башен, поскольку это уже сделано В.П. Загоровским. Следует только отметить, что сохранившаяся «Роспись... Царева-Алексеева...», отправленная В.П. Львовым в Разряд 12 сентября 1647 г.¹⁵ не является очень подробным документом и ее нельзя считать «строельной книгой». Тем более, что и в самом документе, и в сопровождавшей его отписке употребляется термин «роспись», чего никогда не делалось по отношению к строельным книгам. Скорее всего, строельная книга Царева-Алексеева до наших дней не сохранилась.

Имеющиеся данные дают возможность рассмотреть ход сооружения земляных укреплений Царева-Алексеева, строительство которых, в отличие от деревянных, не было завершено в 1647 г. Так, 30 октября того же года кн. Львов сообщал, что с двух сторон, «валуйской и усердской», не защищенных реками, копался ров, шириной в три сажени, глубиной две сажени, проходивший от стен на расстоянии сажени с четвертью. Было вырыто 379 сажений, необходимо было прокопать еще 207 сажений. Произошло это потому, что московские стрельцы возвратились в столицу, драгуны были отпущены по городам, а остальные ратные люди разбежались¹⁶. В дальнейшем ситуация усугубилась. Новый воевода И.С. Рагозин в сентябре 1649 г. доносил, что длина рва вокруг городских стен так и осталась 379 сажений, только

теперь он весь обвалился и доходит до башен и стен. Необходимо было укрепить его, но на это не хватало людей¹⁷.

Несмотря на завершение строительства, серьезные трудности возникли с организацией заселения нового города. Из отписки воеводы В.П. Львова от 26 июля 1647 г. известно, что по царскому указу было велено поселить в Царева-Алексееве и его пригородных слободах 1000 чел., которые об этом били челом, но к моменту завершения строительных работ они «в новой Царев-Алексеев город не бывали»¹⁸. И это несмотря на запрещение «вольным людям» селиться в близлежащих районах уже достаточно хорошо освоенных в предшествующее время – в окрестностях с. Голубино и Холковского монастыря. Тем не менее, к весне 1648 г. служилые люди Царева-Алексеева были расписаны в сотни, были назначены сотники и пятидесятники. Жители были наделены дворовыми местами и землей, они, как писал воевода, «пашни пашут и дворами строятца», под присмотром московских стрельцов. При этом последние сами были должны пахать десятинную пашню. Известно также, что в это время уже имелась мельница на р. Оскол. Она была неисправна, но воевода получил указание отремонтировать ее силами служилых людей. В дальнейшем в Царев-Алексеев были «сведены» елецкие и лебедянские стрельцы, жившие в районе россоши (развилки) Белого Колодезя.

В 1651 г. в Царева-Алексееве числилось: детей боярских – 163, 50 станичников, 267 драгун, 106 черкас, 481 казак, 217 стрельцов, пушкарей и затинщиков – 51 чел. (при наличии трех медных пищалей, ядро в четыре гривенки, семи железных тюфяков такого же калибра и двух медных пищалей, ядро в три гривенки). Всего по росписи князя Я. Волконского в городе было служилых всяких чинов людей 1335 чел., а их неслужилых родственников мужского пола порядка тысячи человек¹⁹.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп.12. Д. 292. Л. 139 – 150.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп.12. Д. 237. Л. 286 – 287.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп.12. Д. 294. Л. 189 – 195.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп.12. Д. 237. Л. 697 – 698.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп.12. Д. 327. Л. 154; Д. 343. Л. 98.

Следует отметить, что к 1654 г. не только в городе существовал храм, но и в девяти пригородных слободах (слобода детей боярских, слобода елецких сведенцев, беломестная слобода, слобода чернских сведенцев, слобода оскольских сведенцев, драгунская слобода, черкасская слобода и стрелецкая слобода) имелись собственные церкви. Более того, в окрестностях Царева-Алексеева уже действовал монастырь Карпова пустынь с семью насельниками и священником, который служил в храме Покрова Пресвятой Богородицы²⁰.

В дальнейшем строительные работы продолжались. В декабре 1647 г. над крепостными воротами были установлены киоты с иконами. На Московской башне, на ее внешней стороне, водрузили образ Спасителя, а на внутренней – образ Алексея, человека Божия. С внешней стороны Усердских ворот расположилась икона Знамени Пречистой Богородицы, а с внутренней – Николая Чудотворца, аналогичным образом на Валуйской проезжей башне разместили иконы Казанской Божьей Матери и Бориса и Глеба. Водяные ворота украсили образами Иоанна Предтечи и Дмитрия Солунского.

В это же время «для короулу и зимнева житья» были выстроены шесть больших изб, по одной у каждых из четырех ворот, одна у государевой казны и одна у вала. В каждой избе находилось 50 московских стрельцов. Была также поставлена съезжая изба. От вала до Верхососенска были устроены надолбы, для наблюдения за ними соорудили две башни, в которых разместили караул, численностью 10 чел.

Судя по переписке Разрядного приказа с новым городским воеводой И.В. Алфеевым, к весне 1648 г. в городе уже была

выстроена соборная церковь с папертью, а через р. Белый Колодезь и ее заболоченные берега был переброшен мост на сваях, длиной в 130 саж.

Приведенные данные позволяют уточнить дату основания г. Новый Оскол (так с 1655 г. стал называться Царев-Алексеев) как населенного пункта. Учитывая, что между принятием решения об основании крепости и началом ее строительства может пройти определенное время (как это и было в отношении Царева-Алексеева), Я.Е. Водарский предложил датой основания населенного пункта считать начало строительства. В этом случае датой основания Царева-Алексеева, а, следовательно, и Нового Оскола является 12 мая 1647 г. Несмотря на то, что непосредственные строительные работы при устье р. Белый Колодезь начались несколько позднее, эта дата может быть признана отправной точкой в истории города, поскольку именно с этого времени началась реализация решения от 7 февраля 1647 г. о постройке крепости.

Рассмотренные материалы показывают процесс основания города верховной властью в ходе процесса государственной колонизации приграничных территорий, когда на первый план выходили соображения военно-административного, а не экономического плана. Причем Разряд организовывал предварительное изучение местности, на основании которого принималось решение о месте и характере оборонительных сооружений крепости. Однако непосредственный руководитель строительства мог предложить свой вариант, который утверждался в столице.

²⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп.12. Д. 341. Л. 187.